

Глава 1.4.

Кон Пёнхва постоянно играл, но при этом неотступно преследовал Шин Сэбёка, что пугало и раздражало последнего.

Дни Шин Сэбёка были чрезвычайно короткими. После школы шла академия, после академии — ещё одна академия, после неё — частные уроки, а после уроков — домашнее задание, повторение и подготовка.

Каждый день он учился до изнеможения, спал всего 2-4 часа. Именно так он сохранял своё положение лучшего ученика в школе. Но, что несправедливо, Кон Пёнхва постоянно передавал записки во время уроков и играл в «петушинные бои» на переменах, но при этом умудрялся оставаться в пятёрке лучших учеников.

Это не могло не бесить ещё больше.

Быть рядом с Кон Пёнхва всегда было похоже на игру в салочки. Пёнхва всегда был «водящим», а Сэбёк постоянно чувствовал, что за ним гонятся.

Хотя он изо всех сил старался убежать, казалось, что только он один испытывает тревогу.

То ли из-за недосыпания и накопившейся усталости, то ли из-за того, что слишком много учился, а может, и то и другое вместе, Шин Сэбёк в последнее время стал более чувствительным.

И тут наступил выпускной экзамен второго семестра третьего класса средней школы.

— Ничего себе, блин. Эй. Я просто разорвал их в пух и прах.

Кон Пёнхва разбросал в воздухе свои самостоятельно оценённые экзаменационные работы.

Пёнхва и его весёлая компания проказников подобрали его работы, словно женщины, собирающие колосья, и воскликнули:

— Ого. Пёнхва получил все баллы?

— Все баллы?

— Почему Пёнхва получил все баллы?

Что? Кон Пёнхва получил 100 баллов? У Шин Сэбёка задрожали руки.

— Вот это к-ла-а-асовая разница между мной и вами. Поняли?

И его дрожащая рука поставила чёрточку на последней задаче.

Разница всего в одной задаче, всего в одной.

Впервые в жизни он проиграл Кон Пёнхва. По крайней мере, в учёбе он никогда раньше не проигрывал.

«После всех моих усилий..».

Он почувствовал, что его зрение затуманилось.

«Всё время, которое я вложил...».

Несмотря на всё это, он проиграл. Сколько ещё усилий ему придётся приложить с этого момента? Насколько больше? Что ещё он должен сделать? Мысли кружились, как тайфун.

«Что я скажу, когда приду домой?»

Последняя задача начала расплываться.

Не подозревая о состоянии Сэбёка, его сосед по парте просто с любопытством похлопал его по руке и спросил:

— Эй, какой ответ был на последний вопрос? Там было слишком шумно из-за этих парней, я не расслышал.

Только тогда Шин Сэбёк понял, что плачет, и поспешно спрятал свою экзаменационную работу, сказав:

— 3. 3.

— А...Спасибо.

После окончания классного часа Шин Сэбёк шёл слабо, пошатываясь, не в силах поверить в реальность.

Подавленный, и ещё более подавленный, это было сокрушительно. Смех Кон Пёнхва сегодня был особенно невыносим.

«Да, тебе, наверное, весело».

Вид того, как он собирает одноклассников, предлагает пойти в компьютерный клуб или поиграть в настольные игры, сегодня раздражал особенно.

«Я проиграл тому, кто так ведёт себя...»

В исторический день своего первого поражения Шин Сэбёк пошёл домой и проплакал всю ночь.

Сначала тихо, потом всхлипывая в голос, у него поднялась температура за ночь.

И в тот день Шин Сэбёк пробудился как омега.

Это был худший день в жизни Шин Сэбёка.

— Вот тогда я и начал получать удовольствие от учёбы. Но я думал, что умру, проводя все каникулы за углублённым изучением.

— Мне всё равно, я хочу сейчас пойти домой.

— Эй, послушай. Причина, по которой я даю тебе приглашение на первый день рождения нашей Исылъ, имеет долгий путь в этой истории.

— Я сказал, что мне всё равно.

Даже несмотря на то, что Чон Сону жаловался, что он просто раздаёт приглашения, потому что пришло время первого дня рождения, и нет необходимости возвращаться на десять лет назад, Кон Пёнхва, верный своей репутации иконы односторонней коммуникации, продолжал говорить то, что хотел.

— Ха-а-а...Из-за тебя я забыл, на чём остановился в истории. Чон Сону. Ради нашей дружбы я пропущу это мимо ушей.

Чон Сону хотел с радостью разрушить свою дружбу с Пёнхва и уйти.

— Мне придётся начать всё сначала.

— Ты псих?

— Итак, как мы впервые установили эмоциональную связь...Мне нужно рассказать тебе о нашем первом годе в старшей школе.

— Ещё не поздно. Давай закончим нашу дружбу.

Несмотря на заявление Чон Сону о прекращении дружбы, Кон Пёнхва продолжал болтать без колебаний.

Чон Сону чувствовал себя несправедливо обиженным. Он даже не делал вид, что открывает ящик Пандоры, но тот открылся сам и выпустил все несчастья.

— Где-то в то же время я пробудился как альфа.

Кон Пёнхва без сомнения верил, что будет бетой.

В конце концов, его отец был бетой, как и его мать. Его старший брат и сестра тоже были бетами.

Поэтому, естественно, он тоже должен был быть бетой.

Но?

«Тот факт, что я пробудился как альфа...значит ли это, что я...приёмный ребёнок..? Мне говорили, что меня нашли под мостом...так что это была не метафора, а предзнаменование? Чёрт. Кто вставляет такие предзнаменования в чью-то жизнь? Кто ждёт 17 лет, чтобы раскрыть предзнаменование?»

Осознав шокирующую возможность того, что у него может быть тайная история рождения, Кон Пёнхва перестал есть и пить.

«Неудивительно, что мой брат всегда...ко мне, потому что я был приёмным. А, понятно..этот гад...»

Кон Пёнхва придавал значение всему своему прошлому опыту и страдал, словно нёс на себе все несчастья мира.

В этом мире, где подавляющее большинство были бетамы, альфы занимали довольно высокое социальное положение. Они были объектами зависти. Однако Пёнхва не мог радоваться.

Даже если весь мир поздравлял Пёнхва с пробуждением как альфы, он был не в настроении праздновать.

— Полезно регулярно проверять феромоны. А также, наряду с этим, половое воспитание относительно омег...

— Доктор.

— Да?

—..Ха, неважно.

Доктор не понимает моих чувств. Пёнхва не мог заставить себя спросить о своей тайной истории рождения и просто вздохнул.

«Наверное, это пубертат? Я слышал, что парень был незрелым, может, у него поздний случай синдрома средней школы?»

Лечащий врач не придавал этому особого значения и усердно объяснял ему про альф и омег, течки и гон, корреляцию между феромонами и здоровьем и так далее.

Пёнхва слушал слова доктора вполуха, внутренне глотая слёзы.

Было душераздирающе иметь другую черту, отличающуюся от членов его семьи.

«Уаааа! Наверное, теперь я буду вечным изгоем».

Чувствительность Пёнхва продолжалась и за обеденным столом.

Хотя он на самом деле не проливал слёз, с глазами, полными мировой скорби, и вздохами, которые, казалось, могли пронзить землю, его семья думала, что у Пёнхва, возможно, случился сердечный разрыв.

Они думали, что через несколько дней ему станет лучше, но из-за его продолжающейся депрессии его старший брат, Кон Чон, наконец спросил как представитель семьи:

— Что случилось?

— Ха-а-а....Что со мной могло случиться? Верно? Просто, ну, у меня нет аппетита. Мама, папа, вы хорошо себя чувствуете? У меня нет аппетита, так что я, пожалуй, пойду...

Когда Пёнхва печально заговорил и вежливо поклонился, его родители наконец осознали серьёзность ситуации.

Семья, исключая Пёнхва, собралась вместе, чтобы обсудить.

«Смотрите, они близки без меня..Я действительно приёмный ребёнок...»

Отчуждённый альфа Пёнхва, чувствуя себя изгоем, угрюмо поехал в школу на роллс-ройсе под управлением шофёра.

Большинство бет выглядели такими безмятежными.

«Моё имя — Мир...и все, кроме меня, кажутся безмятежными...»

Чувствительный мальчик Пёнхва продолжал вздыхать про себя, глядя на затылок Шин Сэбёка.

«Шин Сэбёк, наверное, бета...если бы он был альфой, об этом бы упомянули в компании. Так завидую...Если бы я был бетой, мне не пришлось бы чувствовать это отчуждение».

Пёнхва, который никогда не чувствовал себя побеждённым, несмотря на то, что его постоянно громили в оценках, впервые ощутил горечь по отношению к Шин Сэбёку.

«По крайней мере, я рад, что не пробудился как омега».

Он слышал, что очень редко мужчины тоже могут пробудиться как омеги.

В конце концов, у альф было лучшее социальное восприятие, чем у омег.

Более того, после пробуждения как альфа Пёнхва никогда не чувствовал физической усталости. Он мог играть в игры всю ночь напролёт два дня и всё ещё чувствовать себя нормально.

«Ну и что? Я всё равно приёмный ребёнок».

Теперь он мог даже потерять свои права на наследство.

«Я был просто средством держать Шин Сэбёка в узде. Эх...».

Полностью забыв, что у его бабушки и дедушки были особые черты, Пёнхва просто считал своё положение безнадежным.

«Шин Сэбёк, ты, должно быть, их биологический ребёнок..Я завидую тебе...! Хнык».

Не зная, что Шин Сэбёк пробудился как омега, Пёнхва просто завидовал ему.

Шин Сэбёк стал омегой в одночасье.

Не альфой, не бетой, а омегой.

Мужчиной-омегой.

Его дом стал похож на дом с покойником.

Тот факт, что их единственный сын, сын, который должен был унаследовать компанию, стал омегой вместо альфы, заставил отца Сэбёка схватиться за затылок в шоке, в то время как глаза его матери наполнились слезами.

Сэбёк стал грешником в одночасье.

Хотя он не сделал ничего плохого, он опустился на колени, бесконечно и многократно извиняясь.

Увидев это, его мать наконец разрыдалась.

Отец Сэбёка, хоть и выглядел озабоченным и постоянно вздыхал, в конечном итоге не обнял его.

— Всё в порядке, Сэбёк, всё в порядке, мой сын, мой бедный малыш...

<http://bllate.org/book/17004/1578824>